

Наплел словес

Ильверт. - 2005. - 19 янв.
- с. 15.

Роман Александра Гольдштейна «Помни о Фамагусте»

Николай Александров

Роман известного эссеиста, автора книг «Расставание с Нарциссом», «Аспекты духовного брака», был опубликован впервые в журнале «Зеркало», затем вышел отдельным изданием, попал в длинный список прошлогоднего Букера.

Впрочем, дальше длинного списка роман Гольдштейна не продвинулся. Виной тому не в малой степени стилистические особенности произведения. Кому было отдало предпочтение, сейчас уже не актуально. Вполне возможно, что это запоздалая рефлексия. Но ведь, с другой стороны, «Помни о Фамагусте» — не примитивный детектив. Не все же время говорить о простых вещах. Одолеть четыреста с лишним страниц писания Александра Гольдштейна — дело не из легких. Плотная словесная вязь сразу указывает — перед нами интеллектуальный продукт, сочинение автора подкованного и эрудированного, умеющего приставлять слово к слову и составлять длинные цепочки синтаксических периодов. Свободой словоизвержения, непрерывно изливающимся вербальным потоком Гольдштейн по праву гордится и предлагает читателю любоваться его мастерством. Для того чтобы полностью разделить восторг автора, нужно, видимо, стать самим Гольдштейном. То есть слиться с ним в порыве плетения словес. А для этого нужно время. И немалое.

Наиболее внятно Гольдштейн пишет в начале и в конце романа. На первых страницах он объясняет название: «Помни о Фамагусте» — греческое присловье в память о захваченном турками на острове Кипр городе Фамагуста. В финале рассказывает, из

чего роман складывался. Складывался он из дневников некоего Коли Сатурова, Аствацатурова, Коли Тер-Григорьянца, «бедного юноши, размоленного и всосанного карательной медициной», и из личного архива автора, его воспоминаний, его библиотечных бдений, его знакомства с биографиями самых разных людей. Сложив и перемешав два архива, историю и современность, Европу и Восток, города и годы, Гольдштейн принялся ткать романное полотно.

Как одна из героинь «Помни о Фамагусте» Лана Быкова, которая в бане «Фантазия» свергает себя в истому и дает свободу нескромным видениям, автор распалиет себя эпитетами и инверсиями, деталями, нюансами, длинной нитью нескончаемой фразы. Получается коллекция изысканных наименований, праздник вещей: «Бывают часы, когда палатке шашлычника, трансформаторной будке, стволам, асфальту, голым сучьям над скамейкой, гладкоспеленутой пальме, вообще предметам, порознь и в совокупном веществе, невольно бременишься, и они вибрируют, ревибрируют, как чистые понятия самих себя, вокруг своих оставленных материй». И все в таком духе. Кстати, хорошее слово «веществование». Хорошее еще и потому, что применительно к произведению Гольдштейна легко заменяет слово «повествование». Эта стилистическая овеществленность, пожалуй, в первую очередь и замечательна. Прихотливо пишет Гольдштейн, и вправе выпячивать свою прихотливость. В конце концов, эта избыточность стиля ничем не хуже стилистической безликости. Достаточно ли этого для романа — дело другое.

Александр Гольдштейн.

Помни о Фамагусте. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 464 с.

